

Известия. - 1997. - 23 авг. - с. 6.

Единица доброты — один Никулин

Григорий Горин.

Григорий ГОРИН

— Когда случается такое несчастье — уход из жизни Личности, каким был и остается Юрий Владимирович Никулин, обрывочные воспоминания лезут, оттапливая друг друга. Мы с ним делали много передач, и он учил, что разговор, рассказ не должен быть заранее спланирован. Лучше, чтобы он возник сам по себе — мысль цепляется за мысль, анекдот за анекдот, байка за байку... Переход от смешного к грустному и наоборот. Когда все запланировано и расписано — это видно, теряется естественность, и это плохо. Он вообще очень придирчиво относился к заранее написанным словам, стремясь к естественности и неожиданностям. Это вполне в амплуа клоуна — нарушать порядок вещей. Вот в цирке шпехштаймастер — носитель порядка, а клоун — наоборот. И зрителям нравится это, зритель понимает, что если будет только один порядок, а беспорядка не будет, то это уже не Россия, а нечто иное. А если только беспорядок, то страшно. А в сочетании того и другого — баланс и гармония...

Я всегда любил смотреть на его лицо — и при общении, и на фотографиях, у меня их много... Один французский философ сказал, что лицо человека важнее того, что он говорит, поскольку то, что он говорит, он сам придумал, а лицо — замысел Бога. Так вот в лице Никулина был особый замысел: это было простоватое, лукавое, доброе лицо, которое может быть, как никакое другое определяло сущность народа. По-настоящему народный герой не Илья Муромец, а Иванушка-дурачок — простодушный, добрый, бесхитростный и с какой-то особой мудростью, которая проявляется в самый неожиданный момент. В Юрии Владимировиче, в его внешнем облике, в фамилии, в характере, в профессии, в судьбе сошлись все качества не

только народного артиста, но и героя. Никакой другой клоун так не соответствовал выполнению функции клоуна в России. Он и шут и король в одном лице: к нему уважение, как к королю, а доступность, как к простодушному. И вся его жизнь без особых усилий с его стороны подтянулась к образу народного любимца, когда человек совершенен во мнении народа, каким он должен быть: по судьбе — солдат, воевал и был ранен, прошел всю войну... По облику — прост, полное отсутствие барства и снобизма... По должности — директор цирка! Это раньше дети мечтали быть космонавтами, а теперь я спрашиваю малышей — кем хочешь стать? Отвечают — директором цирка! В безыскусном сознании ребенка это все равно, что быть директором вечного праздника.

И вот все эти функции Юрий Владимирович нес крайне достойно, не оскверняя в народном представлении каким-либо неблагоприятным поступком или политической ангажированностью собственной авторитет.

С любимыми не только не расстаются, но ревностно следят за их поступками. Помню, мы с другим нашим замечательным актером Евгением Леоновым сидели на футболе, подскокил какой-то алкаш и сказал Леонову: «Пальчик! Молодец! Ни против Сахарова не писал, ни против Солженицына! Держись!» Я потом анализировал этот выкрик и понял, что не только органами, но и народом отслеживается — кто способен на подлянку, а кто — никогда. Вот так же и Юрий Владимирович. Он был последней опорой нашего разодравшегося общества, где все уже давно не любят всех и подозревают в любых смертных грехах... На нем — сходились. Он в своей самобытности никому не мешал. Не мешал, например, коллегам — актерам кино, так как у него была своя определенная актерская ниша... И он выполнял еще одну сверхзадачу, которую не знают, как выполнить

сегодня — как утешить больных, слабых, некрасивых... Как вселить надежду в старых или детей... Над этим работают институты, министры и пресса, а Никулин приносил радость и облегчение своей шуткой, байкой или просто появлением среди людей.

Один человек очень точно сформулировал, что вот кончается XX век, кончается целая эпоха и уходят люди, которые выполняли в ней данные Богом предназначения. Ушел со своей ироничной мудростью Гердт... Ушел с лиричностью и редкой способностью высказать чувства интеллигентии Окуджава... Ушел совершенно аристократический небожитель Рихтер... А Никулин предназначен быть воплощением доброты. И был им. С его уходом возникло щемящее чувство, что доброты осталось значительно меньше. Казалось бы, меньше на одного Никулина, но это так много!..

Есть одна особенность русского искусства: все уважают трагиков. Но обожают комиков. Трагики на высоком пьедестале почта, а комики — свои, они ближе и роднее... Когда в цирке отмечали 75-летний юбилей Юрия Владимировича, то не было ни речей, ни помпы... Шли люди и дарили кто что может, и с удовольствием валяли дурака в этой королевской клоунаде. Шли милиционеры района, шли булочники из булочной, где Никулин покупает хлеб, шли кавказцы, которые продают ему на рынке со скидкой... И шли собаки, как бы в благодарность за Мухтара — коллегу и партнера Юрия Владимировича по фильму. Удивительно, что псы, ни разу не видевшие до этого парада юбиляра, увидев, сразу завильяли хвостами...

У Юрия Владимировича было очень развито чувство этики. Например, он считал: звонить по телефону неприлично только по делу, а звонить необходимо и просто так — привет, как она, жизнь, обнимаю...

Когда я или кто-то из знакомых приходили в цирк с ребен-

ком, он обязательно досиживал до конца представления и потом водил юного гостя или гостью за кулисы, к слонам, медведям, фотографировался вместе. «Тогда, — он говорил, — у ребенка будет полное ощущение. И надолго». И он прав, мы все уйдем, а эта Нюночка или Толик будут помнить, как их за руку водил по всему цирку сам Никулин...

А как-то в Израиле, наоборот, мы с моим приятелем гидом Леовой водили Юрия Владимировича по историческим местам, была жуткая жара, он устал, а к гробу Господню стояла длинная очередь, на несколько часов. Уйти, не прикоснувшись к святыне?.. Нельзя. Но стоять столько времени на солнце — просто опасно. Были бы в очереди только наши, а там их много, вопроса бы не было. Но там была масса англичан и французов, и немцев... Гид обратился к ним по-английски, долго что-то объяснял, они расступились, и мы прошли без очереди. Я потом спрашиваю гида: «Лева, а что ты им сказал?» «Я им сказал, что этого человека надо пропустить обязательно, он самый главный человек в России. На что мне этот сэр заявил, чтобы я не морочил голову, он точно знает — самый главный человек в России — Ельцин. А я ему ответил, что Ельцин избирают на 4 года, а этого, Никулина, пожизненно. Представь, подействовало!»

Ну как Юрий Владимирович был завзятым анекдотчиком — знают все. Но он умел не только рассказывать, но и выслушивать. На обычную преамбулу «Юрий Владимирович, вот вы слышали этот анекдот?» — он отвечал: «От вас еще нет». И рассказчик был спокоен, он знал, что в любом случае Никулин хохотнет, хотя бы над новой редакцией известного ему анекдота. Вообще, он удивительно точно ощущал, что этот российский фольклор, ставший анекдотоманияй, свидетельство жизни народа, который не скис, а смеется. Еще Гоголь говорил, что мир задремал бы без побасенок. Юрий Владимирович очень ценил

их, счастливо записывал и, возглавив это движение, встал на вершину пирамиды. Анекдот от Никулина стал, как костюм от Кардена. Причем он никогда не держал анекдот в запаснике, чтобы неожиданно выстрелить им поудачнее, на публике... Нет, хорошим анекдотом он спешил поделиться немедленно. Когда ему рассказали, а точнее показали, анекдот с «ракетой», где поджигают разовый пакетик от чая и тот взлетает, он тут же вскочил, поехал в мэрию и показал анекдот Юрию Михайловичу к обоюдному удовольствию. Он мог рассказывать анекдоты с тем классом последующей грусти, которая без его лица и интонации теряет, как говорил Озеров, «едва ли не половину своей зрелищной привлекательности. Вот, например: «Закинул старик невод. И стоит, как дурак, без невода».

Когда Юрий Владимирович заболел и слег, это действительно всколыхнуло всех от мала до велика. Девочка Маргарита прислала удивительную трогательную сказку в поддержку Никулина. Где-то в некотором царстве заболел клоун. И одна добрая девочка спросила у мамы, что нужно делать? Мама ответила, что клоуну нужно время, чтобы выздороветь. И девочка решила, что вся жизнь у нее впереди, времени у нее много. То же и у всех ее подружек. И они в складчину собрали из своих больших жизней кто по минуте, кто по часу, а кто и по целым дням и месяцам. И клоун выздоровел и стал жить на то время, которое ему подарили... Вот такая замечательная сказка, достойная Андерсена.

В эти больничные дни было много писем и звонков от всех мастей экстрасенсов и колдунов с предложением взять Юрия Владимировича в космос — погулять и вернуть здоровым. Татьяна Николаевна, жена Никулина, говорила, что их было столько, что она их поставила в очередь.

Что ж, наверное, он сейчас в космосе, может, в созвездии «Гончих псов»... И псам с Юрием Владимировичем, и ему с ними хорошо и понятно без слов. Достаточно подумать: «Ко мне, Мухтар, ко мне».